

Мамырканов Айдар Кылычевич, аспирант,
ФГБОУ ИВО «Российский государственный
университет социальных технологий»
Mamyrkanov Aidar Kylychevich, postgraduate student,
Department of Private and Public Law Russian
State University of Social Technologies

**ДВОЙСТВЕННОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Н.М. КОРКУНОВА
THE DUALITY OF THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE INTERPRETATION OF N.M. KORKUNOV**

Аннотация. Анализируется концепция двойственности российского законодательства, разработанная Н.М. Коркуновым. Рассматриваются теоретические основания его учения о праве как разграничении интересов и принципиальном отличии закона от указа. Особое внимание уделяется проблеме отграничения законов от подзаконных актов в условиях самодержавной России.

Abstract. The concept of the duality of Russian legislation, developed by N.M. Korkunov, is analyzed. The theoretical foundations of his doctrine of law as a delimitation of interests and the fundamental distinction between law and decree are examined. Special attention is paid to the problem of distinguishing laws from subordinate acts in autocratic Russia.

Ключевые слова: Двойственность законодательства, закон, указ, подзаконный акт, разграничение интересов.

Keywords: Duality of legislation, law, decree, subordinate normative act, delimitation of interests.

Николай Михайлович Коркунов (1853–1904) – один из крупнейших русских юристов и философов права, профессор Санкт-Петербургского университета, чьи идеи оказали глубокое влияние на развитие отечественной правовой мысли. В центре его научных интересов находилась проблема соотношения права и закона, а также специфика российского законодательства, которое, по его убеждению, несло в себе внутреннюю двойственность. Коркунов стремился применить общие теоретические построения к реалиям самодержавной России, где традиционно отсутствовало чёткое разделение властей, а законодательная функция монарха смешивалась с административной. Именно это смешение порождало ту самую двойственность, которую Коркунов детально проанализировал в своих трудах, особенно в работе, посвящённой разграничению законов и подзаконных актов.

Теоретической основой его подхода стало оригинальное определение права. Восприняв идеи Рудольфа фон Иеринга о защите интересов, Коркунов существенно переработал их: он утверждал, что право не защищает и не оценивает интересы, а лишь разграничивает их, устанавливая чёткие границы для сталкивающихся притязаний различных субъектов. В отличие от нравственности, которая судит об интересах с точки зрения добра и зла, право задаёт формальные рамки сосуществования, определяя права и обязанности сторон. Такой подход позволил Коркунову принципиально развести понятия «право» и «закон» [1]. Закон, по его мнению, есть лишь одна из форм объективации права, а именно та, которая исходит от государственной власти. Однако далеко не все акты государственной власти являются законами в строгом смысле – многие из них представляют собой административные распоряжения, указы и предписания, которые по своей природе не должны обладать силой закона. Именно здесь и кроется корень двойственности российского законодательства: в отсутствии ясного критерия, позволяющего отличить собственно закон от подзаконного нормативного акта.

Коркунов посвятил специальное исследование вопросу об отграничении закона от указа применительно к Российской империи. Он констатировал, что формальное название акта далеко не всегда помогало решить эту задачу: вексельное законодательство оформлялось в виде уставов, нотариат – в виде положений, уголовное право – в виде уложений, а судоустройство – в виде учреждений, и все эти акты признавались законодательными, хотя по форме могли напоминать подзаконные распоряжения [2]. Такая терминологическая неопределённость создавала благодатную почву для произвола, когда важнейшие нормы, затрагивающие права подданных, могли вводиться без надлежащей законодательной процедуры. Чтобы преодолеть эту неопределённость, Коркунов предложил совокупность критериев: во-первых, закон всегда исходит непосредственно от императора, но этого недостаточно, поскольку и указы тоже подписываются монархом; во-вторых, решающее значение имеет участие Государственного совета – законы должны проходить обсуждение и утверждение в этом законосовещательном органе; в-третьих, важно опубликование акта в Полном собрании законов Российской империи и включение его в Свод законов – эти формальные признаки служили индикаторами законодательного характера акта. Однако на практике эти критерии часто нарушались, и многие акты, имевшие силу закона, принимались в упрощённом порядке, минуя Государственный совет, что и составляло суть двойственности.

Масштабная систематизация российского законодательства, проведённая в 1830-е годы под руководством Сперанского и приведшая к созданию Полного собрания законов и Свода законов, внесла известную ясность, но не устранила фундаментальной двойственности. До этой систематизации в России вообще не существовало чёткого разграничения между законами и административными распоряжениями – монаршие указы могли касаться любых вопросов и обладали равной обязательной силой. После систематизации было формально установлено, что законы издаются в порядке законодательном и помещаются в Свод, а указы – в порядке административном. Однако, как показал Коркунов, на деле это различие оставалось весьма условным: император сохранял за собой право издавать указы по самым разным предметам, и многие из них по своему содержанию ничем не уступали законам, но не проходили обсуждения в Государственном совете [3]. Более того, сам Свод законов включал в себя не только акты, принятые по всем правилам законодательной процедуры, но и множество высочайших повелений, которые по своей сути были указами. Таким образом, Свод законов превращался в эклектичное собрание разнородных актов, что закрепляло двойственность уже на уровне кодификации.

Эта двойственность имела не только технико-юридическое, но и глубокое политико-правовое значение [4]. Коркунов связывал её с особенностями российской государственной власти, которая, по его словам, не знала разделения на законодательную, исполнительную и судебную в западноевропейском смысле. В России верховная власть принадлежала монарху, и она была единой и нераздельной; любые акты, исходившие от императора, считались проявлением этой верховной власти, независимо от того, касались ли они общих норм или частных распоряжений. Отсюда следовало, что в российской правовой системе отсутствовало принципиальное различие между законом как абстрактной общей нормой и указом как конкретным предписанием – и то, и другое могло регулировать одинаково важные общественные отношения. Такое положение дел Коркунов считал серьёзным дефектом, поскольку оно лишало правовую систему стабильности и предсказуемости: подданные и даже суды не всегда могли с уверенностью определить, какой акт имеет высшую юридическую силу, а какой – подчинённую. Это создавало риск произвольного толкования и злоупотреблений, поскольку администрация могла придавать своим распоряжениям силу закона, обходя законодательные процедуры.

Коркунов не ограничивался констатацией недостатков, он предлагал пути преодоления двойственности [5]. По его мнению, необходимо было чётко законодательно закрепить, что может быть предметом закона, а что – предметом указа, и установить обязательную процедуру принятия законов с участием представительных органов. Однако, будучи реалистом, он понимал, что в условиях самодержавия такие реформы вряд ли осуществимы, и поэтому главную надежду возлагал на развитие правосознания и судебной практики, которые могли бы выработать устойчивые критерии разграничения даже при отсутствии формальных конституционных гарантий. В этом проявился его социологический подход: он считал, что право живёт не только в писаных нормах, но и в правосознании общества и в деятельности судов, и именно эти негосударственные механизмы могут в известной мере компенсировать несовершенство законодательной техники. Тем не менее он признавал, что двойственность остаётся хронической болезнью российского законодательства, коренящейся в самом характере верховной власти, и до тех пор, пока власть не будет ограничена законом, эта болезнь будет воспроизводиться.

В итоге, анализируя двойственность российского законодательства, Коркунов пришёл к выводу, что она является не случайным техническим упущением, а органическим свойством имперской правовой системы, отражающим отсутствие разделения властей и верховенство монарха над законом. Его теория оказала большое влияние на последующую юридическую мысль, поставив проблему критериев законности и иерархии нормативных актов в центр отечественного правоправедения. Хотя многие из предложенных им формальных критериев (участие Государственного совета, публикация в Полном собрании, включение в Свод) использовались на практике, они не могли полностью устранить двойственность, поскольку решающее слово оставалось за императорской волей, которая не была связана никакими процедурными ограничениями. Таким образом, концепция Коркунова не только вскрыла внутреннюю противоречивость российского законодательства, но и показала, что эта противоречивость есть прямое следствие политического устройства, где закон не является высшей инстанцией, а лишь одним из инструментов самодержавного управления. Его работы сохраняют актуальность и сегодня, поскольку проблема разграничения законодательных и подзаконных актов, а также поиск надёжных критериев их идентификации остаются важнейшими задачами любой правовой системы, стремящейся к верховенству права и защите прав граждан.

Список литературы:

1. Коркунов, Н. М. Указ и закон: исследование / Н. М. Коркунов. – Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1894. – 408 с.
2. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – 9-е изд. – Санкт-Петербург: Издание Н. К. Мартынова, 1914. – 364 с.
3. Коркунов, Н. М. Русское государственное право: в 2 т. / Н. М. Коркунов. – Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1893. – Т. 1: Введение и общая часть. – 432 с.
4. Рогачев, М. А. Соотношение закона и подзаконного нормативного акта в период Российской империи / М. А. Рогачев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2019. – № 4 (36). – С. 93–98.
5. Хбликян, Е. А. Концепция закона как механизма разграничения интересов в правовой теории Н. М. Коркунова / Е. А. Хбликян // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2015. – № 4 (83). – С. 126-130.

